

Юрский Сергей

6.4.95.

Сергею Юрскому — 60. Поверить в эту дату — трудно, практически невозможно, и это не дежурная фраза и не фигура речи. Ибо, несмотря на то, что буйную шевелюру Чацкого и барона Тузенбаха (а также, конечно же, Остапа Бендера) сменил седой ежик Фомы Опискина, Юрский остался прежним: фантазером, чья бешеная энергия позволяет даже самые несбыточные фантазии превращать в реальность. Уникальный актер; неповторимый «мастер художественного слова»; тонкий, своеобразный режиссер; но прежде всего — вдохновенный Артист, властитель дум вот уже нескольких поколений почтительно внимающих ему зрителей и слушателей, читателей и почитателей. Все они (все мы) замечательно ощущают себя в «Юрском периоде» и выходить из него не собираются.

О Юрском и не только о нем

Сергей ЮРСКИЙ

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Все начнется потом,
когда кончится это
бесконечное душное, жаркое лето.
Мы надеемся, ждем, мы мечтаем о том,
Чтоб скорее пришло
то, что будет потом.

Нет, пока настоящее не начиналось.
Может, в детстве...
и в юности... самую малость...
Может, были минуты... часы... ну, недели...
Настоящее будет потом!
А на деле

На сегодня, на завтра и на год вперед
Столько необходимо — ненужных забот.
Столько мелкой работы, которая тоже
Никому не нужна.

Нам она не дороже,

Чем сиденье за чуждым и скучным столом,
Чем свечение чужих городов под крылом.
Не по мерке пространство и время кроя,
Самолет нас уносит в чужие края.

А когда мы вернемся домой, неужели
Не заметим, что близкие все почувжали?
Я и сам почувжал.

Мне ведь даже неважно,

Что шагаю в костюме неважно отглаженном,
Что ботинки не чищены, смято лицо,
Что на встречах, на женщинах, смотрю с холодом...
Это не земляки, а прохожие люди,
Это все к НАСТОЯЩЕМУ только прелюдия...

Настоящее будет потом... Вот пройдет
Этот суетный мелочный маятный год
И мы выйдем на волю из мучившей клетки.
Вот окончится только тысячелетие...

Ну, потерпим, потрудимся,
близко уже...
В нашей несуществующей сонной душе
Все застывшее всхлипнет и с криком проснется...
Вот окончится жизнь...
и тогда уж начнется.

(Из книги: Узнавание. Стихи. Проза.)

теперь в душе вашей. Заронил ли я в вас искру небесного огня, или нет? Отвечайте, заронил я в вас искру, или нет?». Потом этот вопрос задаст его герой, ибо по тексту повести это его слова, — и смысл их будет до неузнаваемости занижен, осмеян и ошельмован. Потому что Юрский имеет право задавать нам подобные вопросы, Фома Опискин — нет.

Играя Опискина, Юрский юродствует, витийствует, поучает, кликушествует, пророчествует; ханжа, фарисей, злоеущий шут, корчащийся из себя мессия — в нем, несомненно, есть что-то от мольеровского Тартюфа, но, несмотря на откровенную фарсовость, даже пародийность, — он страшен. Страшен воздействием на умы, страшен тем, что никто из окружающих его людей не способен отличить истину от фальши, никто не способен осознать вполне элементарное: «а король-то голый!». Как он упивается собой, как любит, как замечательно осознает свою власть: власть плебея, выплывшего из лакейской и теперь наслаждающегося своей мезьей, ибо пришел его черед, и он это знает. Жалкий шут, произведенный в пророки, смеющийся во всеуслышание заявлять, нет — возмущать: «Я знаю Русь, и Русь меня знает» (!). Бог мой, как же все знакомо, как узнаваемо — неужели же это наш, российский, вечный сюжет, неужели же он и в самом деле дан нам на века? Откровенный балаган обретает черты исторического апокалипсиса, за фарсом встает трагедия.

Виртуозность игры Юрского ошеломительна, каждый жест, движение, каждый штрих его поведения, мельчайшие модуляции голоса предельно выверены и точны. Он играет этакое сладкоголосое чудовище, опутывающее паутиной и губящее свою жертву. Главной жертвой становится даже не Ростанев, а Настенька. Ибо ее молодость, ее очарование, ее грация дикого зверька будут вызывать у него откровенную, нескрываемую злобу, зависть, ненависть. В итоге он ее сломает — как ломают диковинный редкий цветок, неспособный прижиться на чуждой для него почве. Примечательно — немногочисленные «положительные» герои спектакля: племянник Ростанева Сергей (Валерий Сторожиж) и Настенька (Евгения Крюкова) сыграны намеренно блекло, негромко, пастельно в отличие от тех ярких, бросающих краски, которыми наделены полноправные обитатели сумасшедшего дома.

«Вы правы: из огня тот выйдет невредим,

Кто с вами день провести сумеет,
Подышит воздухом одним

И в ком рассудок уцелеет» — бросал когда-то в зал герой молодого Юрского Александр Андреевич Чацкий. Сегодня тот же Юрский играет — ну, условно говоря, одного из тех, от кого Чацкий бежал. Быть может именно об этом писал когда-то он сам: «В перевернутой природе я искал заветный узел — связь начала и конца?»

Недавно, в опубликованных письмах Бориса Владимировича Алперса я прочитал его рассуждения по поводу двух знаменитых пушкинских высказываний. Одно, из его письма к Наталье Николаевне, имеющее к Юрскому самое непосредственное отношение, ибо слова эти были вынесены в качестве эпиграфа к спектаклю БДТ «Горе от ума»: «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!»; и другое, из письма к П. Я. Чаадаеву: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество...».

Мне кажется, Алперс неправ, противопоставляя эти два, почти предсмертные, крика души Поэта — в них нет противоречия, и одно вполне согласуется с другим. Сколько в России людей, кто, вне зависимости от дарованного им таланта, мог бы повторить, вослед за Пушкиным: и «черт догадал меня...», и «...не хотел бы переменить отечество...». Среди этих людей, в числе самых достойных и самых талантливых, — Сергей Юрский.

Юрий ФРИДШТЕЙН.

● Фома Опискин — С. Юрский. Ростанев — Е. Стеблов.

Фото В. Петрусовой.

Садясь за эту статью, я чувствую себя как бы «на распутье». С одной стороны, 60-летие Сергея Юрского и роль Фомы Опискина, сыгранная им как раз в свой день рождения, и вроде бы надо писать о нем и только о нем и его новой работе. С другой, роль сыграна в тонком, умном, «многослойном», современном спектакле, поставленном в Театре имени Моссовета Павлом Хомским.

Рядом с Юрским неожиданный Евгений Стеблов: глядя на его Ростанева, вспоминаешь сыгранного им много лет назад Алешу Карамазова. Но у Ростанева нет той глубинной убежденности и потому его выплески, порывы, слова о рыцарской чести, попытки встать на защиту своей Прекрасной Дамы окажутся и беспомощны, и даже жалки. На протяжении спектакля мы не раз станем свидетелями того, как будет унижено и растоптано его человеческое достоинство, как в нем будет попорана, буквально изничтожена — Личность. Актер изобразит это и внешне, — тонко и страшно, но он сыграет также и большее: умирание души героя. Сыграет беспомощность рыцаря-интеллигента среди тех монстров, что заселили его дом и постепенно, шаг за шагом, вытеснили его «на обочину», почти упразднили, почти «изъяли из оборота», вместе с его высокими и прекраснотелесными мечтами и идеалами.

Село Степанчиково предстает в спектакле воистину «темным царством», только напрочь лишенным какого бы то ни было «луча света», и неоднократно, почти навязчиво повторяемый племянником Ростанева Сергеем вопрос: «Это что, сумасшедший дом?» — в сущности все определяет. Перефразируя знаменитые слова чеховского Пети Трофимова о том, что «вся Россия — наш сад», хочется задать свой вопрос: неужели же вся Россия — село Степанчиково?

В этом «темном царстве» множество обитателей: истерическая маменька Ростанева, «генеральша» — такая старуха Хлестова, только лишенная ее проницательности и резкости суждений, ее отрицательного обаяния — воистину злоеущий символ безумия, что царит в этом доме (в ее роли Ирина Карташева). Рядом с ней приживалка Анна Нилова, «подполковничья дочь» и элементарная стукачка одновременно, резко, остро сыгранная Ларисой Наумкиной (вообще, снующие по дому безмолвные «осведомители», возникающие в самые неожиданные моменты из самых неожиданных мест — злоеущие тени, почти бесплотные, — тоже весьма впечатляющая и вполне неслучайная примета спектакля). Безумная Татьяна Ивановна, взбалмошная, по-своему несчастная, уже не слишком молодая, страстно жаждущая «любви» — еще одно существо, искалеченное всей этой душной, противоестественной атмосферой (Маргарита Шубина). Отставной гусарский поручик Мининчиков (Валерий Яременко), как всегда непредсказуемый, взрывной, парадоксальный — играющий весьма забавное сочетание светского ловеласа и делового человека, в обеих испостасях, впрочем, не слишком ловкого и удачливого вследствие отчетливо выраженной природной тупости, мешающей ему в полной мере покорять и очаровывать как своей неотразимостью, так и деловой хваткой. И конечно же, лакей Видоплясов (его с неподражаемым юмором, особенно выразительным, благодаря чрезвычайно серьезной мимике, с которой он произносит все несусветные благоглупости своего героя, играет Андрей Межулис). И много-много иных людей, подчас почти оборотней — жутких, макабрических, хотя и сыгранных в подчеркнута реалистической манере, отчетливо ощущение жутки, кошмара, какого-то нескончаемого дурного сна лишь усиливается, а проснуться и развезать этот дурман невозможно, нет сил.

И надо всем этим собранием лиц парит как гигантская злоеущая хищная птица, напоминая некоего чудовищного осьминога, щупальцами своими сдавливающего, до духоты, до хрипа, всех и вся — он, Фома Опискин. Фому Опискина играет Сергей Юрский.

В начале спектакля мы слышим в записи его голос. Сергей Юрский обращается к нам: «На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронил в вас искру того небесного огня, который горит